

преступлений и предотвращения преступности;

– введение учебно-тренинговых мероприятий для участковых инспекторов

полиции по углублению и расширению знаний, умений и навыков в работе с интернет-технологиями по предотвращению преступности.

Комлев Ю.Ю.,

доктор социологических наук, профессор
Казанский юридический институт МВД России

Концептуализация преступности: от К. Маркса до Р. Куинни

Как известно, научные взгляды К. Маркса формировались во многом под впечатлением «зверств первоначального накопления» капитала в Европе, где массовое разорение крестьянства, рост нищеты в городах, обогащение узкого слоя буржуа происходили одновременно со стремительным ростом преступности и других социальных отклонений. Маркс, выступая за революционный путь изменения социального строя, упразднение частной собственности на средства производства, за отказ от буржуазных экономических отношений, дал начало развитию конфликтно–радикальной парадигмы в социологии. В ее рамках сложилась и развивается одна из социоцентрических концепций преступности.

К. Маркс, вслед за А. Кетле считал, что преступность – объективный социальный феномен. Преступность в буржуазном мире, по Марксу, – неустранимое явление. Он полагал, что «подобно праву, преступление ... коренится в тех же условиях, что и существующее господство»¹. Вместе с тем, исходя из марксистских идеологических позиций, преступность имеет исторически приходящий характер по мере смены буржуазного общественного строя. В ряду ярких марксистских исследований преступности находится известная работа Ф. Энгельса, описывающая положение рабочего класса в Англии. В ней Энгельс называет преступление «наиболее грубой и самой бесплодной формой ... возмущения». Следовательно, преступность, по Энгельсу, – это прояв-

ление социальной войны, когда «каждый стоит за себя и борется за себя против всех остальных ... И эта война, как показывают таблицы преступности, становится год от года все яростнее, ожесточеннее и непримиримее»². С позиций марксизма рабочий крадет от нужды и бедности, и тем самым он осознанно либо неосознанно выражает протест против эксплуатации.

Описывая преступность как протест рабочего класса против капиталистов в форме классовой борьбы, Энгельс увидел причины социальных отклонений прежде всего в экономических условиях современного ему капиталистического общества. В этом же ключе развивает идеологический взгляд на преступность марксист, социальный мыслитель и криминолог В. Бонгер. Бонгер увидел причины делинквентности прежде всего в экономическом эгоизме, порожденном капитализмом. Буржуазное общество создает условия, при которых эгоистические цели капиталистов преследуются за счет большинства неимущих людей. Бонгер считал, что частная собственность на средства производства, как стимул к получению прибыли при капитализме, вызывает «эгоистичные тенденции», которые способствуют возникновению скудости и стяжательства. Все классы общества находятся под влиянием эгоизма и жадности. Поскольку уголовное законодательство находится под контролем буржуазии, эгоистические действия пролетариата определяются как криминаль-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. *Немецкая идеология* // Соч. Т. 3. М., 1955.

² Маркс К., Энгельс Ф. *Соч.* Т. 2. М., 1955. С. 364.

ные. Следовательно, причиной делинквентности, по Бонгеру, выступает капиталистический способ производства. Подростковая преступность, преступность среди женщин, проституция, алкоголизм и другие виды девиаций будут иметь место из-за экономического состояния этих людей благодаря капитализму.

Преступность в буржуазном обществе, считал Бонгер, всегда будет на высоком уровне и не имеет решения. Если бы средства производства были в руках общества, то «существенная нужда была бы навсегда забыта» и это стало бы ключевой предпосылкой преодоления преступности¹. В этом случае исчезает стимул к наживе, к получению прибыли, а интерес к социальному благополучию начинает доминировать над «эгоистическими тенденциями» и состязательностью – в итоге преступность снижается до незначительных размеров.

Таким образом, в марксистской социологии второй половины XIX в. и первой половины XX в. преступность концептуализируется как форма социального протеста при капитализме, которая должна исчерпать себя по мере строительства эгалитарного общества. Во взглядах Маркса, Энгельса, Бонгера доминируют социально-экономические и классовые ориентиры в определении природы преступности, но не учитываются ее социальные функции, недооцениваются социокультурные и технологические детерминанты. Впрочем, влияние идеологических позиций на взгляды Маркса и других его сторонников в понимании преступности не является чем-то уникальным, поскольку оно имеет место и в теоретических построениях Э. Дюркгейма, М. Вебера, а также многих других социологов. Не случайно Дж. Ритцер писал, что «теоретизируя по поводу социальных явлений, социологи независимо от того, признают они этот факт или нет, не могут быть абсолютно идеологически нейтральными»².

Ранний марксизм рассчитывал, что в эгалитарном обществе удастся искоре-

нить преступность как «родимое пятно» капитализма, применяя все меры и, прежде всего, репрессию и революционное насилие. Однако преступность имеет место во все времена и во всех типах общества. На этот факт обратил внимание Э. Дюркгейм, который в последующем «нормализовал» преступность в силу ее функциональности для любого общественного строя. Дюркгейм, обосновав ключевой вывод о невозможности принципиального искоренения преступности, поставил вопрос о социально эффективном противодействии и минимизации преступности средствами социального контроля.

Конкурируя со структурным функционализмом, конфликтно-радикальная парадигма получает дополнительный импульс в своем развитии на фоне обострения противоречий и роста социальных проблем в странах Запада во второй половине XX в. Век XX и тем более XXI показал, что преступности меньше не становится, и сегодня она уверенно «шагает в ногу с технологическими инновациями», трансформируется и адаптируется в глобальном цифровом мире в условиях четвертой технологической революции.

На рубеже веков высокотехнологичный капитализм стал, по Бонгеру, еще более эгоистичным в погоне за наживой. В этой атмосфере сложились благоприятные условия для роста «беловоротничковой» преступности, по Э. Сатерленду, в среде бизнесменов, высокопоставленных менеджеров, чиновников и политиков. Правящий класс и обслуживающие его профессионалы, в силу своего положения, широко и незаконно используют политическую, экономическую или технологическую власть для личного или корпоративного обогащения.

Глобализация экономики и распространение новых технологий расширили масштабы традиционных преступлений «белых воротничков», связанных с растратами, взяточничеством, коррупцией и воспрепятствованием правосудию, лжесвидетельством, отмыванием денег, ценовым сговором и другими нарушениями

¹ Akers R. Criminological theories: introduction and evaluation. 2nd ed. Los Angeles: Roxbury Publishing Company, 1997. P.168.

² Ritzer G. Sociological Theory. 2ed. N.Y.,1988. P. 38.

антимонопольного законодательства, налоговыми преступлениями, загрязнением окружающей среды, полицейскими репрессиями «во имя закона» против представителей низших социальных слоев и пролетариата. Для «белых воротничков» стали характерны такие относительно новые преступления, как деликты в киберпространстве, мошенничество в сфере здравоохранения и преступления против интеллектуальной собственности.

Преступность «белых воротничков» широко артикулируется криминологами как острая социальная проблема, без противодействия которой невозможны социальная справедливость и социальный прогресс. Тем более злободневным является этот вызов, поскольку система уголовного правосудия в основном противодействует преступности «синих воротничков», судя по социальному составу сидельцев пенитенциарной системы, что типично для большинства экономически развитых стран.

Этот исследовательский ракурс привлек внимание социологов неомарксистской и конфликтологической ориентации еще на заре перемен в 70-е и 90-е годы прошлого столетия, что отражено в работах Р. Куинни, У. Чемблисса, Э. Платта, Дж. Янга, Я. Тейлора, П. Уолтона и многих других.

Одной из самых ярких фигур среди представителей современной конфликтно-радикальной парадигмы в социологии является криминолог-неомарксист Ричард Куинни, получивший широкую известность благодаря критическому пафосу своих работ («Социальная реальность и преступление», 1975; «Класс, государство и преступность», 1977; «Критика узаконенного порядка: контроль преступности в капиталистическом обществе», 1994). В знаменитой книге «Социальная реальность и преступление» Куинни радикально-критически оценивает современный ему рыночный капитализм в США, считая, как и Чемблисс, что классовая природа мира капитала является наиболее общей при-

чиной современной дифференцированной преступности. При этом он еще более радикально подчеркивает роль политического конфликта между классом капиталистов и пролетариатом в формировании и функционировании уголовного законодательства, в объяснении различных форм девиантного поведения. Вся реальная власть, по Куинни, всецело принадлежит правящему классу, главные цели которого состоят в ее удержании и поддержке буржуазного общественного устройства, в том числе с помощью системы обеспечения правопорядка. Капиталисты и обслуживающие их профессионалы, преследуя эти цели, отстаивают интересы, прямо противоположные интересам пролетариата. При этом они растаптывают продекларированные либеральные права и свободы, демократию, в чем можно легко убедиться в наши дни на примере того, как в западном мире попирается, казалось бы, незыблемое для капитализма право частной собственности. Куинни доказательно обобщает, что основное противоречие между реальностью угнетения масс и демократическими идеалами свободы и равенства ввергает буржуазную элиту в «кризис законности»¹.

Р. Куинни – типичный представитель инструментального неомарксизма. Он рассматривает уголовный закон как полностью подконтрольное средство (инструмент) государственной власти, используемое классом капиталистов для подавления рабочего класса и народных масс. Сторонники структуралистского неомарксизма (У. Чемблисс, Д. Гринберг) считают, что государство не полностью контролируется правящей элитой. Отсюда закон не всегда является инструментом для осуществления ее интересов (принимаются нормы, направленные и против капиталистов), а сама политическая элита не является монолитной группой, свободной от конфликтов.

При капитализме уголовное законодательство и пенитенциарная система выстроены, согласно Куинни, не для кон-

¹ Akers R. Criminological theories: Introduction and Evaluation. 2nd ed. Los Angeles: Roxbury publishing company, 1997. P. 162.

троля над преступностью и обеспечения благосостояния общества, а ради подчинения народных масс. Например, лишение свободы установлено не столько в качестве основного наказания для осужденных преступников, сколько в качестве средства «перекачивания» в места лишения свободы излишней (не занятой на рынке) рабочей силы. Этот избыток рабочей силы вне пенитенциарной системы представляет потенциальную угрозу классу капиталистов, если пролетарии смогут организовать и примкнуть к революционному движению.

Таким образом, по Куинни, система законодательства, уголовного правосудия, пенитенциарная система – это правовые инструменты, служащие «развитию капитализму» не для того, чтобы защищать общество и его граждан от преступности, а для того, чтобы подавлять трудовой народ, обеспечивая господство класса капиталистов. Концепция преступности Куинни опирается на марксистский тезис о том, что социально-классовая структура капиталистического общества сама по себе является коренной причиной преступности. По оценке британского криминолога-неомарксиста Яна Тейлора, преступление – это существенное следствие эксплуатации и угнетения рабочего класса капитализмом. Большинство преступников, вышедших из рабочего класса, вынуждены совершать преступления из-за необходимости выживания, деликты других квалифицируются как мятеж или политические преступления. Р. Михаловски рассматривает корыстные уголовные и бытовые преступления как преступления по причине бессилия выходцев из среды пролетариата приспособиться к рыночным условиям¹. Куинни разделяет и развивает такие взгляды на специфику преступного поведения, но при этом, в отличие от классиков марксизма, он считает преступность естественным («нормальным») в понимании Э. Дюркгейма) общественным явлением, хорошо осознает и функ-

циональный характер преступности, полагая, что она является функцией социальной структуры.

В итоге Р. Куинни существенно расширяет палитру преступных деяний в конфликтно-радикальной парадигме К. Маркса. Это расширение особенно актуально для современных исследователей криминального поведения в рамках неомарксистской и конфликтологической ориентации. Так, к деликтам, совершаемым рабочими с целью выживания или протеста, Куинни добавляет преступления «белых воротничков и элиты», представителей правящего класса, которые тоже являются результатом капиталистической системы. В работе «Класс, государство и преступность» Р. Куинни структурировал свою оригинальную типологию преступного поведения. Он описал «*преступность приспособления*» в виде краж, грабежей, убийств и изнасилований, которая распространена в среде рабочих, пострадавших от капиталистической системы. Кроме того, он сохранил и развил протестную составляющую, по Марксу, – «*преступность сопротивления*», включив в нее бессознательную протестную реакцию рабочих и всех угнетенных на эксплуатацию. Для правящего капиталистического класса и тем, кто его обслуживает («белые воротнички»), по Р. Куинни, характерна «*преступность доминирования и подавления*»².

В другой книге «Критика узаконенного порядка: контроль преступности в капиталистическом обществе» Куинни подчеркивает, что противозаконное поведение власти предрасположено во многом не пресекается правосудием. В сфере экономики, управления и контроля в развитых странах Запада скрываются и не расследуются, прежде всего, такие деликты, как: сокрытие доходов от налогообложения, участие в бизнесе чиновников через подставных лиц, манипуляции с голосами избирателей, коррупция и злоупотребление политической властью. Причем по отношению к люмпенизи-

¹ Akers R. Criminological theories: Introduction and Evaluation. 2nd ed. -Los Angeles: Roxbury publishing company, 1997. P.169.

² Комлев Ю.Ю. Теории девиантного поведения: учебное пособие.-2-е изд., испр. и доп. –СПб.: Изд дом АЛЕФ-ПРЕСС, 2014. С.180.

рованными слоям населения уголовное преследование за гораздо менее общественно опасные деяния назначается в полной мере.

Радикальные взгляды Р. Куинни и его последователей в значительной мере подвергались критике со стороны функционалиста Р. Айкерса, конфликтолога-неомарксиста О. Терка и других криминологов за некоторый максимализм и упрощенчество, за идеологизированность, эмпирическую недоказуемость и переоценку политических и классовых детерминант преступности. Вместе с тем работы Куинни ставят криминологическую проблематику в современном турбулентном мире в жесткую зависимость от сложных социально-политических процессов и глобальных экономических и политических конфликтов. Это принци-

пиально отличает инструментальный неомарксизм и марксистскую криминологию в целом от иных подходов и теорий, принятых в социологии девиантного поведения.

Критические идеи Р. Куинни и других неомарксистов получили определенное развитие и поддержку в европейской девиантологии, в работах немецких криминологов Георга Руше и Отто Хирхаймера, британцев Яна Тейлора, Джока Янга, Пола Уолтона, россиянина Я.И. Гилинского. Неомарксисты остро критикуют дефекты функционалистских теорий преступности, разработанных в рамках социоструктурного подхода и других теоретических перспектив, приближая нас к более адекватному описанию картины современной преступности.

Забродин А.В.

УФСИН России по Республике Хакасия

Религиозный экстремизм в местах лишения свободы: проявления общественной опасности и актуальные направления профилактики

В последнее время приобретает большие масштабы деятельность различных экстремистских организаций. Экстремизм как крайняя форма приверженности к определенным радикальным взглядам может нести угрозу безопасности населения и государства.

Согласимся с М.В. Кутеповой, что первоочередной задачей в сфере обеспечения национальной безопасности является противодействие религиозному экстремизму¹. Думается, что смежным явлением, выступающим объектом профилактики, можно считать и идеологию терроризма «как относительно массовое и социальное явление, состоящее из

совокупности теорий, идей и представлений, проявляющихся в общественно опасных деяниях, находящихся как в пределах, так и за границами правового регулирования, посредством информационного воздействия на социальную сферу и обоснования применения насилия, направленных на формирование состояния общественного страха и нарушение общественной безопасности»².

В литературе выделяются признаки религиозного экстремизма, смежные перечисленным в Федеральном законе «О противодействии экстремистской деятельности» положениям: нарушение прав, свобод, законных интересов человека и

¹ Кутепова М.В. Религиозный экстремизм в России: признаки, особенности // Социально-гуманитарное обозрение. 2019. № 1(1). С. 26.

² Тепляшин П.В. Криминологические аспекты идеологии молодежного терроризма в информационно-телекоммуникационных сетях // Актуальные проблемы противодействия терроризму и экстремизму: история, современное состояние, перспективы : сб. науч. ст. всероссийской науч.-практ. конф. с международным участием в 2 ч. / под общ. ред. С.А. Куценко. Новосибирск: Новосибирский военный институт имени генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации, 2017. Ч. 1. С. 209.